

© Федорченко С.Н., 2012

ФРЕЙМ-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья является первой из цикла работ, посвященных исследованию политической символики современных «цветных революций». В работе раскрывается методика фрейм-анализа для выявления общих и особенных символов политической оппозиции. Актуализируются теоретико-методологические и исторические аспекты научной проблемы. Теоретической матрицей исследования выступает отечественная концепция политической семиосферы.

Автор, выдвигая собственную научную гипотезу, предполагает, что современные политтехнологи, подготавливая «цветные революции», создают для сплочения оппозиции оригинальные и одновременно типичные политические символы, используя психологию цвета и влияние архетипов на сознание людей. Доказательная база работы опирается на последние достижения зарубежной и отечественной политологии.

Ключевые слова: политическая символика, «цветные революции», политическая семиосфера, фрейм-анализ, политические технологии, политический фрейм.

© S. Fedorchenko, 2012

FRAME ANALYSIS OF THE POLITICAL SYMBOLISM OF THE «COLOR REVOLUTIONS»: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL AND HISTORICAL ASPECTS

Abstract. The scientific article opens a series of papers devoted to the study of political symbolism of the modern «color revolutions». The article discloses the method of frame analysis aimed at identifying common and special symbols of the political opposition. The author makes actual the theoretical and methodological and historical aspects of this scientific problem. The concept of domestic political semiosphere acts as a theoretical matrix acts of the research.

Putting forward her own scientific hypothesis the author suggests that to rally the opposition contemporary political scientists create unique and at the same time typical political symbols while preparing the «color revolutions». The author states that they use the psychology of color and the influence of the archetypes on people's minds. The probative base of the research is based on the latest achievements of foreign and domestic political science.

Key words: political symbolism, «color revolutions», political semiosphere, frame analysis, political technologies, political frame.

Теоретико-методологические аспекты исследования политической символики

*Вокруг нас неизведанное встречается на каждом шагу.
Именно в нем следует черпать знания.*
Фрэнк Герберт

Изучением политической символики начали заниматься еще античные (Платон и Аристотель) и средневековые (Августин Блаженный, Николай Кузанский) мыслители.

Определенный вклад в разработку проблемы сделал представитель неокантианства Э. Кассирер, трактовавший символ как некий культурологический принцип построения реальности [23]. Позже основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм описывал общество как сумму идей, верований и различных чувств с объединяющей матрицей символического порядка. При этом Дюркгейм отмечал такую функцию символических форм, как социальное объединение, считая, что социальная жизнь в человеческой истории возможна лишь при наличии символизма [24].

С доводами французского социолога можно согласиться – символизм может поддерживать консенсус в обществе. Вместе с тем в настоящее время политические символы часто используются для противоположных целей.

Методологическую базу анализа политической символики может составить учение К. Г. Юнга об архетипах. Психолог считал, что членам общества присуще «коллективное бессознательное», содержанием которого являются так называемые «архетипы» – универсальные, врожденные психические структуры, распознаваемые в нашем опыте и являемые, как правило, в образах. Таким образом, отмечал Юнг, тяга к вечным образам – в порядке вещей [20].

В самом деле, образы могут привлекать, убеждать, очаровывать, потрясать. Кроме того, посредством символики можно управлять подсознанием человека и программировать проявление «коллективного бессознательного» у масс. Современный французский социолог П. Бурдьё ввел в своих работах понятия «символический капитал» и «символическое насилие» и выделял феномен политического фетишизма, когда объект политического идолопоклонства из *ministerium* превращается в *mysterium* [5, с. 137-151; 6].

Американский политолог С. Хантингтон писал, что значение в политике имеют флаги и другие символы политической идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы. Благодаря подготовительной обработке политтехнологами, люди открывают новые, но зачастую старые символы идентификации. Ученый отмечал, что с помощью политической символики обычно происходит идентификация в системе координат «свой» – «чужой» [15].

Большую популярность в западной политологии в последнее время получила концепция фрейма, означающего определенного рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире. Теория фрейма сблизилась с идеей архетипов Юнга благодаря работам И. Гофмана, согласно которому фреймы не создаются людьми сознательно [27].

Изучение политики в рамках фреймов открыло новые возможности для политологов в объяснении развитии общественных движений, позволило ответить на вопросы, почему одни движения более успешны, чем другие, в мобилизации своих сторонников [26].

Приверженцы этой концепции считают, что различные группы для интерпретации и привлечения внимания к некоторым проблемам используют различные фреймы [21]. Что хорошо объясняет рост популярности новой политической символики.

В современной отечественной политологии также существуют отдельные работы по исследованию политической символики. Эти разработки связаны с изучением феномена политической семиосферы¹.

Лотман писал, что ввел термин по аналогии с ноосферой В.И. Вернадского. Понятие опирается на достижения семиотики – науки, изучающей свойства знаков и знаковых систем.

Политическая семиосфера – это целый комплекс знаковых систем, подразумевающих символы, язык, жесты, одежду, а также музыку, политический юмор и устное народное творчество, благодаря которым происходит политическая коммуникация в обществе.

Вместе с тем политическую семиосферу не стоит отождествлять с политической символикой. Семиосфера – более широкое явление, включающее, в том числе, и политическую символику.

Концепция политической семиосферы дала политологам еще одну возможность для анализа обстоятельств смены правящих элит в области трансформации сопровождающих их основных политических и других символов [9].

Оригинальную концепцию изменения политической семиосферы предлагает российский историк В.Э. Багдасарян. По мнению исследователя, необходимо выделять стадии политических изменений [2].

На первой стадии разрушается единое семиотическое поле политической культуры государства и появляется альтернативная политическая семиосфера. В случае если власть допускает семиотический раскол населения, начинает формироваться субкультура подполья, захватывающая в свою орбиту все большую часть общества.

Второй стадией является культурная изоляция власти – ее символика почти никем не признается. К этому следует добавить, что в современном мире подобные процессы часто инициируются политтехнологами для раскрутки «цветной революции».

Концепция Багдасаряна вполне укладывается в теорию фрейма. Процесс фреймирования – это одновременно и повседневная модель мира, основанная на результатах ранее совершенных операций смыслообразования, и модель для активной деятельности в этом мире [30, с. 225-239]. Исследователи М. Райн и Д. Шён показали, что фреймирование – это не просто отбор одних элементов и игнорирование других; это также увязывание друг с другом характерных особенностей ситуации в хорошо распознаваемый и внутренне согласованный паттерн [29, с. 236-251].

Голландские политологи Д. Яноу и М. ван Хульст также выделяют фреймирование как убеждающий фактор в политике. По их мнению, фреймы производят описание реальности, «очень похожей на правду», что стимулирует переход к действию той же политической оппозиции [21]. Сильное влияние политической символики сопряжено с активным политическим прогнозом, который оказывает воздействие на общественное мнение, по сути, искусственно моделируя реальность [25].

С идеей политической семиосферы созвучны три исходных предпосылки символического интеракционизма Г. Блумера [22]. 1. Люди обращаются с предметами на основе тех значений, которыми эти предметы обладают для них. 2. Значения таких предметов возникают в социальном взаимодействии. 3. Эти значения используются и изменяются в ходе интерпретативного процесса, к которому человек прибегает в своем взаимодействии с предметами.

Получается, что политическая оппозиция может постепенно трансформировать тот социально-политический мир, в котором она действует, отбирая одну политическую

¹ Понятие «семиосфера» было введено российским ученым Ю.М. Лотманом по аналогии с учением о ноосфере В.И. Вернадского. Семиосфера обозначает мир знаков и знаковых систем, в которых живет современный человек.

символику в качестве релевантной или важной, и отбрасывая, игнорируя официальную. Фреймирование через политическую символику – это не только способ познания мира, но и способ создания мира, открытого действию (world-making).

Особенности «цветных революций» через призму политического фрейма

Смелость – основа победы.
Плутарх

Как известно, революция относится к глубоким политическим и социально-экономическим изменениям общества [19, с. 366]. Однако «цветная революция» не вполне соответствует революции в привычном ее понимании.

Отличительный политический фрейм «цветных революций» – это декларируемая направленность на соблюдение законности и существования конституций, что отличает его от фрейма классических революций, направленных на изменение конституционного строя. Российский политолог С.А. Белковский обозначил десять черт, присущих «цветным революциям» [3].

1. Внешнее давление.
2. Делегитимизация.
3. Паралич вертикальной социальной мобильности.
4. Противоречия внутри властной элиты.
5. Отсутствие проекта будущего.
6. Оппозиционная сила.
7. Неспособность власти применить силу.
8. Регионально-этнические противоречия.
9. Личная уния бюрократов и политиков в правящем классе.
10. Повод для революции – фальсификация выборов или серьезная локальная катастрофа.

Хотя политическая символика и не отмечается исследователем даже в качестве сопутствующего фактора, но данная характеристика «цветной революции» заслуживает интереса с позиции фрейм-анализа.

Очевидно, что внешние импульсы для «цветной революции» могут опираться на внутривластные противоречия. Основной механизм этих противоречий составляет раскол в среде политической элиты, что, к слову, является наглядным политическим фреймом для политических элит и политических оппозиций других стран.

Уже известные и апробируемые фреймы в одних странах порождают не только паттерны конфликтного поведения в политических элитах, но и паттерны¹ сплочения вокруг конкретных символов в среде политической оппозиции в других странах.

Имеется и иная точка зрения на природу «цветных революций». Российский политолог С.А. Марков считает, что «цветная революция» – это новый тип политических технологий по смене политической власти. Эксперт выделяет следующие черты такой технологии.

1. Отстранение руководства от власти осуществляется не только мирными, но и насильственными средствами. После революции все незаконные действия оппозиции квалифицируются как правовые. При этом все же стараются не применять оружие и физическое насилие.

2. В качестве ключевого момента выступают выборы – оппозиция заранее заявляет о своей победе, а действия власти объявляет фальсификацией.

¹ Паттерн (от англ. «pattern») – шаблон, образец, набор стереотипных действий

3. Главный метод воздействия – массовые демонстрации в центре города, блокирование и захват ключевых правительственных зданий.

4. Основная политическая сила не партия, а широкая коалиция неправительственных организаций.

5. Наличие внешних сил, которые: финансируют оппозицию, присваивают себе статус верховного арбитра; объявляют действия оппозиции законными; предъявляют ультиматум власти, шантажируя ее активами в зарубежных банках; участвуют в качестве посредников на переговорах.

6. «Цветные революции» происходят не в авторитарных странах, а в «полудемократических».

7. Революции организуются не контрэлитой, а частью старой элиты, которая была отправлена в отставку.

8. Политические последствия сводятся к смене геополитической ориентации в пользу финансирующей оппозицию силы.

9. В отношении демократии такие революции нейтральны.

10. «Цветная революция» готовится и реализуется практически публично [10].

В этой модели, так же как и в работах С.А. Белковского, отсутствует намек на какую-то роль политической символики в «цветных революциях». Однако схема вполне соответствует принципам фрейм-анализа, с помощью которого можно уловить особенности политической символики «цветных революций».

Очевидно, что отличительные особенности «цветных революций» несколько отличаются от традиционных признаков революционных процессов. Модели политологов могут отличаться, но все они в итоге сходятся в одном – поводом для появления «цветной революции» служат выборы.

Все специалисты отмечают в качестве предпосылок внутриэлитный конфликт и связь политической оппозиции с внешними политическими акторами. Что, по мнению автора, способствует формированию политического фрейма «цветных революций», паттерны которого распространяются по всему миру, в том числе и через политическую символику.

Особенность процессов фреймирования заключается в том, что видимый смысл может быть полностью изменен благодаря стратегическому производству и присвоению значений. Смысл общественно-политического уклада жизни начинает меняться оппозицией еще до «цветной революции», когда возникает подпольная политическая семиосфера.

Подпольная политическая семиосфера, подготавливающая «цветную революцию», предполагает свои политические символы: иную одежду, особую музыку, емкие политические слоганы, а также политический юмор – антиправительственные анекдоты и карикатуры. Официальная политическая семиосфера (политическая символика, герб, гимн и т. п.), которую поддерживает властная элита, как правило, может подвергаться критике и нападкам своего антагониста. Оппозиция всячески добивается игнорирования населением официальной семиосферы.

У каждой «цветной революции» существует свой политический сценарий, который все же не отклоняется от основного сюжета политического фрейма. Так, российский политолог В.П. Пугачёв выделяет следующий технологический алгоритм «цветных революций». 1. Выявляется потенциал протестных групп. 2. Определяются оппозиционные силы, способные стать двигателем революции. 3. В военизированных молодежных лагерях с помощью специальных тренингов готовятся ударные силы революции. 4. Выстраивается цепочка практических целей. 5. Обеспечивается преимущество политической оппозиции в электронных СМИ. 6. Используются зрелищные мероприятия для активации

протестных волнений. 7. Общество приводится в состояние анархии. 8. Управление революцией осуществляется специалистами. 9. После захвата власти начинаются негласные чистки в госаппарате [12].

Такая постановка проблемы возможна и в рамках фрейм-анализа. Например, шведские исследователи Л. Болмэн и Т. Дил рассматривают общественную организацию через концепцию фреймов, предполагающую четыре координаты: структурную, гуманистическую, политическую и символическую. Другими словами, политически оппозицию и властную элиту логично рассматривать как элементы «цветной революции», которые постоянно находятся в состоянии конфликта.

Элита и оппозиция анализируются как целостные культуры, развитие которых определяется в большей степени ритуалами, церемониями, историями, героями и мифами [4]. Тем не менее политическая символика «цветных революций» еще не изучалась через методику фрейм-анализа.

Наша гипотеза заключается в том, что современные политтехнологи, подготавливая «цветные революции», создают для сплочения оппозиции оригинальные и одновременно типичные политические символы, используя психологию цвета и влияние архетипов на сознание людей.

Рассмотрим корневые политические фреймы «цветных революций», исходя из авторской научной гипотезы.

Истоки политической символики «цветных революций»

*Наша жизнь – река, впадающая в море.
Хорхе Манрике*

У любой политической символики имеется собственный прообраз. Согласно нашей научной гипотезе, политтехнологи готовят «цветную революцию» заблаговременно, работая ее политический фрейм. Особое внимание при фреймировании политтехнологи уделяют сплачивающим символам, составляющим матрицу будущей подпольной политической семиосферы.

Изучая корни протестной семиосферы «цветных революций», автор обнаружил символ, который сейчас все больше распространяется политтехнологами оппозиций. Этим символом является кулак. Он представляет собой древнейший архетип борьбы и протеста.

Как политическая эмблема протеста, кулак стал использоваться на рубеже XIX–XX вв. Известен факт распространения этого символа движением «Рот Фронт». Название происходит от жеста, символизирующего приветствие (пер. с нем. – красный фронт). Он представлял собой поднятую в полусгибе (или почти распрямленную) правую руку с повернутым от себя сжатым кулаком. Таким жестом немецкие рабочие приветствовали друг друга.

После Первой мировой войны в начале 20-х гг. XX в. в Германии участники, а также сторонники этого движения приветствовали друг друга таким жестом [13]. Этот символ можно видеть на рис. 1.

Большую популярность жест приобрел в 30-х гг. XX в. как символ борьбы против фашизма. Постепенно жест стал символизировать единство пролетариата всех стран и готовность биться до конца за победу Интернационала против фашистов.

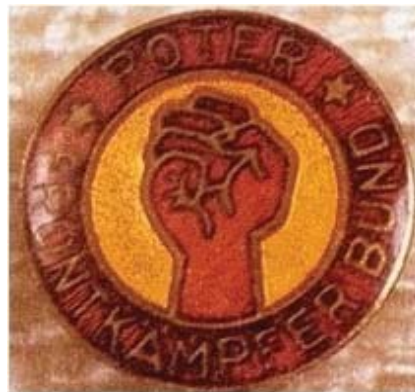

Рис. 1.

Дальнейшее распространение этот жест, как символ борьбы, приобрел в Испании среди антифашистов. Позже знаменитый лозунг испанских антифашистов «No pasaran!» стал ассоциироваться со схожим вскинутым сжатым кулаком, который был также известен как «антифашистский салют», в противоположность общеизвестному «фашистскому салюту».

В Советском Союзе схожий жест был распространен среди молодежи и коммунистов. Им приветствовали Советскую Армию болгары и узники фашистских лагерей. После Второй мировой войны жест «Рот Фронт» стал неофициальным символом организаций узников фашистских концлагерей [13].

Другой организацией, использовавшей символ кулака, был «Анархистский черный крест» – ряд независимых друг от друга групп людей и организаций, оказывающих поддержку анархистам. Первыми были организации Политический Красный Крест и Анархистский Красный Крест. Подобные общества впервые возникли в Российской империи как организации, поддерживающие политических заключенных. Позже названия изменились, но суть осталась.

Символом анархистских обществ стал черный крест, увенчанный сжатым кулаком, жестом, также связанным с анархизмом, отрицанием власти. Кроме того, кулак означал союз, так как «слабые пальцы, объединяясь, образуют сильный кулак» [1], что можно увидеть на рис. 2.

Политический символ кулака распространился и в спорте. Например, бразильский футболист Жозе Рейналдо де Лима, один из лучших игроков в истории клуба «Атлетико Минейро», был известен своим жестом, которым он праздновал забитые мячи – поднятым кулаком левой руки, знаком, которым в Бразилии обозначали отрицательное отношение к правящей в стране хунте [16].

Рис. 2.

Рис. 3.

Такой же жест был у небезызвестной «Партии черных пантер», чьи идеи влияли на спортсменов и вылились в скандал, который разразился в октябре 1968-го на Олимпиаде в Мехико. Тогда победитель и бронзовый призер в беге на 200 м Томми Смит и Джон Карлос превратили церемонию награждения в демонстрацию протеста [28]. Это видно на рис. 3. В этом же году французские студенческие бунты также проходили под символом сжатого кулака.

Особо подчеркнем, что позже политический символ кулака взяли на вооружение американские аналитические центры. Так, в конце XX в. – в условиях «холодной войны» против СССР и советского блока США и НАТО перешли к новому типу бесконтактной войны – информационной. «Мозговыми трестами» информационной войны стали RAND corporation, Институт Альберта Эйнштейна, Международный Центр ненасильственных Конфликтов и др. После крушения социалистического блока аналитические центры переориентировались на борьбу против неудобных США политических режимов.

Институт Альберта Эйнштейна был создан за два года до советской перестройки в 1983 г. и функционирует за счет финансовых средств от правительства США и фонда Сороса. Работа центра направлена на исследование политики и обучение оппозиции с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур, войны, геноцида и репрессий.

Научный руководитель института Дж. Шарп довольно подробно описывает сценарии фреймов ненасильственной борьбы с политическими режимами в своих работах [17, с. 18], которыми пользовались политтехнологи «цветных революций» в Сербии, Украине, Грузии и других странах.

Согласно официальным отчетам Института Альберта Эйнштейна, только за 2000–2004 гг. с целью получения учебных рекомендаций сюда обращались группы лиц из Азербайджана, Албании, Анголы, Афганистана, Белоруссии, Боливии, Венесуэлы, Вьетнама, Гаити, Грузии, Зимбабве, Ирака, Ирана, Кении, Кипра, Китая, Кубы, Молдавии, Сербии, Украины, Эфиопии и других стран [2, с. 115–116].

Базирующийся в Вашингтоне Международный Центр ненасильственных конфликтов развивает и поощряет использование гражданской ненасильственной стратегии в различных странах [11], по сути, также разрабатывая сценарии политических фреймов «цветных революций». Организацию открыл ученик Дж. Шарпа, финансист и член нью-йоркского совета по внешней политике П. Акерман.

Национальный фонд в поддержку демократии был основан американским Конгрессом в 1982 г. Созданием фонда занимался сотрудник ЦРУ в отставке, специалист по СМИ У. Рэймонд. Фонд получает ежегодное финансирование из американского государственного бюджета по цепочке «Государственный департамент – Агентство по международному развитию» [8].

Для обозначения политтехнологов «цветных революций» в отечественной политологии недавно появился новый термин «эверсор», происходящий от лат. *eversor* (разрушитель, сокрушитель). Авторы термина – современные российские исследователи политических технологий А.Э. Гапич и Д.А. Лушников [7, с. 7]. Под эверсионными политическими технологиями понимают социально-политическую деятельность политтехнологов, направленную на дестабилизацию политической ситуации и смену существующего политического режима путем «цветной революции» [14].

Политические консультанты с помощью эверсионных политических технологий ненасильственного характера создают политические фреймы «цветных революций» для различных стран. Не случайно прообразы современной популярной протестной символики «цветных революций» можно локализовать в истории. К примеру, популярный политический фрейм протеста сфокусировался на символе кулака, как жесте борьбы оппозиции против существующего порядка.

Таким образом, технологии политической символики способствуют сплочению оппозиционных организаций в преддверии «цветной революции». При этом политтехнологи-эверсоры учитывают возможность создания подпольной политической семиосферы антиправительственного характера, в чем им помогают разнообразные иностранные аналитические центры.

Полученные выводы позволяют перейти к детальному анализу протестных фреймов «цветных революций» через их политическую символику, раскалывающую властную элиту и сплывающую оппозицию¹.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анархистский черный крест [Электронный ресурс] // Наш флаг – черное знамя!!! [Форум]. URL: <http://anarho.ucoz.ru/forum/2-78-1> (дата обращения: 07.05.2012).
2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.Н. Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология. М.: Научный эксперт, 2011. – 344 с.
3. Белковский С. Общая теория революции, или апология Луки // Независимая газета. – 2005. – 23 мая.

¹ Более подробный анализ политической символики произошедших «цветных революций» будет осуществлен в следующей статье автора.

4. Болмен Л. и Дил Т. Рефрейминг организаций. – СПб: Стокгольмская Школа экономики, 2005. – 496 с.
5. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS, 1993. – Т. 1. – Вып. 2.
6. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
7. Гапич А., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР, 2010. – 132 с.
8. Крашенинникова В., Росс А. Пушки августа. Нацисты, НАТО и цветные революции // Политический класс. 2009. – № 8(56).
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
10. Марков С. Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти // Комсомольская правда. 15.11.2005.
11. Медушевский А. Как научить демократию защищаться... // Вестник Европы. – 2002. – № 4.
12. Пугачёв В.П. Управление свободой. – М.: URSS, 2010. – 272 с.
13. Рот Фронт [Электронный ресурс] //Тайна символа [Сайт]. URL: <http://taina-simvola.ru/rot-front/> (дата обращения: 28.04.2012).
14. Федорченко С.Н. Анализ эверсионных политических технологий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – № 6.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
16. Христоворов И. 1968 год: на изломе эпох // Вокруг света. – 2008. – № 9 (2816).
17. Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. – 1992. – № 8.
18. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект пресс, 1996. – 416 с.
20. Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 77 с.
21. Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1–2.
22. Blumer H. Symbolic interaction: perspective and method. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. – 208 p.
23. Cassirer E. The Myth of State. – New Haven: Vail. Univ. Press, 1946. XII. – 303 p.
24. Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. – Paris: Paris, CNRS Editions, 2008. – 639 p.
25. Fedorchenko S.N. Science Fiction as Particular Method for Predicting the Future of Human Civilization //Problems of Contemporary World Futurology /Editor by Vladimir I. Yakunin. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – 375 p.
26. Gamson W.A. Talking politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 290 p.
27. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. – N.Y.: Harper & Row, 1974, – XIII. – 586 p.
28. Hossli P. «That Was My Decision» [Электронный ресурс] //HOSSLI.COM [Сайт]. URL: <http://www.hossli.com/articles/2008/08/08/that-was-my-decision/> (дата обращения: 07.05.2012).
29. Rein M., Schön D.A. Problem setting in policy research //Using social research in public policy making /Ed. by C.H. Weiss. Lexington: Lexington Books, 1977. – 256 p.
30. Yanow D. Cognition meets action: metaphors as models of and models for //Political language and metaphor. /Ed. by T. Carver and J. Pikalo. London: Routledge, 2008. – P. 225-238. 293 p.